

Сюй Сицзин пробормотал: «Он ведь пошёл не за мной, а за...» Он не хотел произносить имя Чжоу Фаня и вспоминать последующие события, поэтому, помедлив, резко сменил тему: «Эта Карен и вправду ловкачка. Всего за месяц умудрилась заставить Ли Ситун расторгнуть за неё контракт.»

Цинь Цзэюань наклонился к нему: «Опять завидуешь?»

Сюй Сицзин яростно замотал головой: «Нет-нет, ни капли.»

От такого усердия его волосы взъерошились, сделавшись похожими на растрёпанный грибок. Цинь Цзэюань приподнял его и, успокаивая, сказал: «Нечего тебе о других думать. Будешь послушным — и звёзды с луной для тебя достану.»

Видя, как Сюй Сицзин покорно кивает, Цинь Цзэюань почувствовал, что все недавние хлопоты того стоили. Мальчик сейчас был ему невероятно мил, и он не удержался, снова поцеловав его: «Отныне я буду к тебе только хорош.»

Вечером Цинь Цзэюань прижал Сюй Сицзина к кровати, раз за разом входя в него. Он обожал связывание, но Сюй Сицзин на этот раз умолял не делать этого — на завтра была съёмка. После долгих уговоров Цинь Цзэюань согласился, но поставил условие: сегодня Сюй Сицзин не должен кончать раньше него.

Руки Сюй Сицзина уже не могли обхватить колени и беспомощно раскинулись по сторонам, покачиваясь в такт движениям Цинь Цзэюаня. Тот прижал его к себе, полностью погрузившись внутрь. Сюй Сицзин сдавленно застонал, его ноги затряслись, словно от судорог.

Цинь Цзэюань велел ему двигаться вверх-вниз самому, а сам лишь скользил пальцами по его соскам, то касаясь, то отпуская. Сюй Сицзин извивался, пытаясь избежать прикосновений, но это лишь заставляло их набухать сильнее.

«Маленький Цзин так переживает за других девушек, — спросил Цинь Цзэюань. — И перед ними тоже так распускаешься?»

Сюй Сицзин не ожидал, что тот всё ещё помнит телефонный разговор. Ему стало до слёз обидно, и он, с дрожью в голосе, ответил: «Нет... Только... только перед господином.»

Довольный ответом, Цинь Цзэюань убрал руку, раздвинул его ягодичы, обнажив покрасневшее отверстие. Оно плотно обхватывало его член, и он велел не двигаться. Сюй Сицзин, не понимая, затаив дыхание лежал на плече Цинь Цзэюаня, пока тот массировал пальцами его промежность.

Сюй Сицзин испугался и заёрзал: «Господин, я больше не могу...»

Цинь Цзэюань крепче прижал его к себе, не позволяя шевелиться, и ввёл внутрь указательный и средний пальцы, провернув их. Сюй Сицзин даже дышать боялся, пока Цинь Цзэюань не вынул пальцы и не вложил ему в рот.

Сюй Сицзин тут же принялся усердно сосать их, а Цинь Цзэюань возобновил мощные толчки: «Так тесно... Вряд ли ты и посмеешь.»

Неизвестно, сколько ещё это продолжалось, но в конце концов Цинь Цзэюань кончил ему на живот. Сюй Сицзин уже дрожал от напряжения, и после нескольких движений руки Цинь Цзэюаня тоже извергся. Цинь Цзэюань вытер его, обнял за голую спину и сказал: «Всё, я

ничего внутри не оставил, вытер тебя. Спи.»

Сюй Сицзин спокойно заснул.

На следующий день группе предстояло снять промофото для новой песни. Сюй Сицзин, что с ним бывало редко, проспал и впопыхах примчался в павильон, где остальные уже почти закончили с макияжем. Он тут же принялся извиняться перед всеми.

Карен, собиравшаяся расторгнуть контракт, на съёмки, разумеется, не явилась. Без её едких замечаний остальные члены группы и вовсе не смели выказывать недовольство, наперебой твердя: «Ничего, ничего», «Успеваем, успеваем». Сюй Сицзину, хоть ему и было неловко, не хотелось задерживать процесс, и он сел к визажисту.

Пока его гримировали, он услышал, как остальные обсуждают фотографа — невероятно талантливого, успевшего ещё до тридцати получить несколько международных наград.

Сюй Сицзин невольно ахнул про себя. Такой фотограф, конечно, брал за работу бешеные деньги, но главное — его было крайне сложно заполучить. Настоящие художники обычно свысока смотрели на таких, как они, — поп-идолов. Непонятно, как Цинь Цзэюаню удалось его уговорить.

Фотографа звали Динцзы, и выглядел он куда старше своих лет. Кожа его была слегка тронута загаром, на подбородке красовалась лёгкая щетина, волосы — коротко подстрижены. Высокий, подтянутый, он казался человеком, повидавшим жизнь, и в нём чувствовалась загадочная притягательность.

Он коротко поздоровался со всеми: «Всем привет, я Динцзы. Надеюсь, сегодня поработаем слаженно.»

Было видно, что студийная съёмка Динцзы не по душе, но даже так он сделал потрясающие кадры.

Хотя павильон ему не нравился, Динцзы остался доволен Сюй Сицзином. Причина была проста: тот был красив, с идеальными скулами, и от природы чувствовал себя перед камерой уверенно. Сегодня он испортил меньше всего кадров.

Поэтому после работы Динцзы специально задержал Сюй Сицзина. Не любивший пустых церемоний, он напрямую протянул ему визитку: «Ты мне очень понравился. Хочу пригласить тебя в качестве модели на отдельную съёмку. Если свободен, приходи завтра в мою студию.»

Он даже не спросил, есть ли у Сюй Сицзина время, но тот, разумеется, согласился бы, даже освободив его любой ценой.

Сюй Сицзин был в восторге, но по дороге домой постепенно успокоился, вспомнив, что согласился на приглашение Динцзы, не спросив разрешения у Цинь Цзэюаня. Отпустит ли тот его? Эта мысль сразу же навела тоску, и подавленное желание сопротивления снова зашевелилось где-то в глубине души.

Однако он вовремя взял себя в руки и быстро вернулся к обычному состоянию. Сюй Сицзин велел водителю ехать прямо к офисному зданию компании, а затем позвонил Цинь Цзэюаню.

В последний раз он бывал в штаб-квартире ещё в начальной школе, когда учитель пожаловался на ухудшившуюся успеваемость. Тогда Цинь Цзэюань после работы заставлял его делать

уроки, а если задерживался — оставлял в кабинете. Через два месяца оценки Сюй Сицзина заметно улучшились. Не то чтобы Цинь Цзэюань был прирождённым педагогом — просто он не стеснялся отчитывать подчинённых в его присутствии, и это невольно сработало как наглядный урок.

Стоя у входа, Сюй Сицзин не мог не вздохнуть. Он ещё предавался размышлениям, когда появился Цинь Цзэюань. Сюй Сицзин не ожидал, что тот спустится лично, и заранее подготовленные слова пришлось отбросить.

Цинь Цзэюань поманил его: «Иди сюда.»

Сюй Сицзин поспешил за ним. Они поднялись на лифте для руководства, и пока они были одни, Сюй Сицзин, запрокинув голову, принялся докладывать: «Сегодня снимали промофото. Их делал тот самый знаменитый фотограф Динцзы.»

Цинь Цзэюань кивнул: «Его отец учился с твоими дядей и тётёй, а он сам был моим одноклассником. Сделал мне одолжение.»

Сюй Сицзин был разочарован: «А? Одолжение?»

Цинь Цзэюань, заметив его разочарование, спросил: «Ты что, расстроен, что мне не пришлось постараться?»

Сюй Сицзин ловко сменил тему: «Но он же моложе тебя на несколько лет. Как вы могли быть одноклассниками?»

Лифт остановился. Цинь Цзэюань, выйдя, внимательно оглядел его с ног до головы и с удивлением заметил: «Смотрю, ты стал большим любителем поболтать.»

Сюй Сицзин воспользовался моментом: «Он сегодня меня хвалил! Говорил, что я красивый и хорошо получаюсь на фото, и пригласил стать его моделью. Завтра будет ещё одна съёмка.»

«Всего два комплимента — и уже зазнался», — сказал Цинь Цзэюань, но всё же подробно объяснил: «В детстве он был невероятно смышлёным. Пошёл в школу рано, да ещё и два класса перескочил. В средней школе уехал за границу. Я думал, с его упорством из него выйдет учёный, а он несколько лет назад вернулся и занялся фотографией.»

Цинь Цзэюань привёл его в кабинет и спросил, хочет ли он отдохнуть в комнате для отдыха или посидит на диванчике снаружи. Сюй Сицзин, боясь, что в комнате для отдыха снова придётся не сладко, поспешил выбрать диван. Затем осторожно спросил: «Так я могу завтра пойти?»

«Раз пригласил — иди. Подожди меня здесь, закончу дела — поиграем.» Сюй Сицзин, смущённый таким обращением, как с ребёнком, молча уселся за столик и принялся грызть орехи.